

УДК 72.03:821.161.1

И.А. Стеклова*

ВЕРБАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСТОРИЗМА РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В статье предпринимается попытка реконструкции представлений первой половины XIX века об истории архитектуры Петербурга в контурах понятий, предъявленных в поэтических, прозаических, публицистических текстах А.С. Пушкина. Сопоставлены особенности реального архитектурного пространства и их образные трактовки.

Ключевые слова: архитектура, поэзия, история, Петербург, Пушкин.

Русская литература с признанным гением в центре и русская архитектура первой половины XIX века, всем фронтом контролируемых ею преобразований, продолжают оставаться непревзойденными вершинами в пространстве отечественной культуры, перекрывая современность мощью насыщения ее материальной и интеллектуально-духовной сред. Идея их взаимовлияния мерцает на горизонте историко-теоретической проблематики более ста лет, поскольку наиболее эффективно стабилизация смыслов зодчества происходила именно в литературных текстах. Ведь те или иные фиксации пространственно-временной сути архитектуры транслировались читающей публике, неизбежно имеющей с ней кратчайшие отношения. Локализация проблемы вокруг А.С. Пушкина мотивирована предъявленной им в поэтических, прозаических, публицистических произведениях нормой вербализации смыслов, обусловивших непрекращающуюся романтическую традицию понимания зодчества как самого масштабного накопителя истории. Стремление к реальному воплощению культурной памяти «разных времен и вкусов», отражающее «направленность творческого мышления, питаемого историческим сознанием» [1], обозначило здесь орбиту, названную историзмом.

Тема Петербурга в его неповторимом пространственном своеобразии не была исчерпана для Пушкина и после написания поэмы «Медный всадник» и повести «Пиковая дама». В художественных исследованиях судьбоносного выбора России, символом которого стал этот город, ему не хватило, например, проникновения в личную мотивацию императора-реформатора. Множество подобных запросов было бы наверняка разрешено в незаконченной «Истории Петра». Однако и в подготовительных текстах к ней с отрывистым критическим комментарием прослеживаются весьма показательные приоритеты авторского интереса, представленные как множеством односложных упоминаний, вроде того что и в разъездах Петр умудрялся заботиться об устройстве *фонтанов*, так и крупными фрагментами: «*Посреди самого пылу войны Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговли с северо-западную Европою и сообщение с образованностию... Но Петр Великий положил исполнить великое намерение и на острове, находящемся близ моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург... Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову,*

* © Стеклова И.А., 2013

Стеклова Ирина Алексеевна (i_steklo60@mail.ru), кафедра дизайнера и художественного проектирования интерьера Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, 440028, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28.

*третий графу Головину, четвертый – Зотову... пятый – князю Трубецкому, шестой – кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близ оной, на месте, где стояла рыбацья хижина, деревянный же дворец на девяти сажнях в длину и трех в ширину, о двух покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью»¹ [2, с. 82]. Предельно динамичный стиль изложения, уплотненный массой точнейших деталей, как бы сжимал описываемое время конкретной материализацией – переключал его течение в *болверки, рыбацью хижину, деревянный же дворец о двух покоях с сенями и кухнею*. Вялое доисторическое пространство пронизалось здесь, структурируясь в сплошном информационном потоке: от геополитических причин зарождения до аскетического убранства частных покоев царя в *деревянном дворце*, раз и навсегда отринувшем *рыбацью хижину*.*

Объемная, по обычаю автора, концепция могла возникнуть в надежной опоре на достаточный документальный массив, а также в бесстрастной позиции между существующими расположениями. Для этого не упускались все противоречащие друг другу данные. Например, из одного источника выписывалось, что *деревоземляная крепость в акватории Невы была заложена 16 мая (1703 года), а из другого – 3 мая: «первый камень оной положил митрополит Стефан рязанский, а другой – сам государь. По случаю сему выбита медаль»* [2, с. 113]. Разобраться в логике архитектурно-градостроительных мероприятий, сопровождаемых сакральными ритуалами, вроде манипуляций с *первыми камнями*, было еще сложнее – она просто отсутствовала. Ведь до того, как стать воспетым, выдуманным в одах, Петербург начал выдумываться в пространстве, в неоднократной смене градостроительных ориентиров и стилистических образцов. Например, в том же 1703 году, в разгар строительства *крепости*, *Петр «в октябре, когда шел уже лед... ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он вымерил фарватер между сим островом и мелью, против него находившеюся; на той мели, в море, определил построить крепость, а на острове сделать гавани и оные укрепить и сам сделал тому план и проспект»* [2, с. 84]. Слова *план и проспект* Пушкин выделил сам, намереваясь вникнуть, что таковые собой представляли, и, может быть, отыскать для них соответствующее графическое разъяснение.

Указы о срочном принудительном переселении тысяч дворянских и купеческих семей на узкий и длинный остров *Котлин*, как и все указы Петра, аккуратно систематизировались поэтом по годам, а интригующие словосочетания сопровождалось подчеркиванием, курсивом, пометками NB и вопросительными знаками: *«Петр на Котлине в заложенном городе и крепости успел построить многие каменные дома, также дворец и гостиный двор (в Петербурге?), сам чертя планы и рисунки. Между прочим между Кроншлотом и Кронштадтом над фарватером сделал он план башни наподобие Родосского колосса, под которую подходили бы военные корабли, с подзорной светелкой и фонарем»* [2, с. 172]. Увлекающие – буквально ввысь – пространственные вертикали вроде откровенно утопической *башни наподобие Родосского колосса* для историографа находились, а преемственная горизонталь в продвижении петровских прожектов никак не вырисовывалась.

Петербург действительно не столько проектировали, сколько примеряли на разных прибрежных участках, не забывая, однако, и про налаживание сухопутных связей с Москвой и Россией вообще. Оттого центр города и перекинулся с островов близ моря на континентальный берег Невы: *«Отведено место для гостиного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, саду и домов знатных гос-*

¹ Все цитаты Пушкина приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979, – и выделены курсивом, как и отдельные слова в значении контекстов используемых цитат.

под. Город Нейшанц был упразднен, и жители одного переведены, и были первые петербургские поселенцы» [2, с. 82]. От перечисленных мест началось активное развитие городского левобережья, вполне традиционное для любой европейской фортификации, к примеру, для Москвы. Так что открытие нового фронта в освоении колоссальных площадей, обременительное, казалось бы, на первоначальном этапе возведения столицы, объясняется историками зодчества сугубо прагматическими коррективами. Приоритет универсализма таких с дальнейшими тактическими трансформациями отстаивал, например, А.В. Иконников, обнаруживая подтверждение своего рассуждения в вербальных бытованиях Петербурга: «Крепость – цитадель, кремль, – а вокруг посад, посады при Петербургской крепости и при Адмиралтейской. Топонимика отмечает поразительную устойчивость городских наименований. <...> В старинных названиях улиц и переулков Петроградской стороны и Выборгской стороны, Адмиралтейского острова и Песков сохранялись названия многочисленных слобод, составлявших обширнейшие предместья новой столицы – Татарской, где жило мусульманское землячество, Бочарной и Компанейской, где жили выборгские пивовары-компанейцы и бочары, готовившие для них бочки, Морской и Галерной, где жили адмиралтейские работники и служители Адмиралтейства и Галерного двора, и так далее. Были и полковые слободы» [3].

Однако природа и архитектура с разницей исходных потенциалов требовали на *невских берегах* и рискованных – немосковских – путей к примирению. Их встречное движение с паузами и отступлениями все-таки завязалось, стабилизировалось. Со стороны архитектуры – не столько в усредняющих ее компромиссах, сколько в наращивании уже растянутого пространства и одновременно в его неуклонном (буквально) сбивании, пусть, и под неизбежные переделки. Беспорядочность радикальных архитектурных затрат под стать сокрушающей природной мощи становилась тоже своего рода стихией. Зыбкий ландшафт переигрывался человеческой волей – в преувеличенной искусственности, упертой правильности, симметрии, прямизне – без продуманной стратегии, инстинктивно, на ходу. Возможно, так и достигался тот редкий вариант пространственного двоевластия – соавторства, при котором изначально противоположные силы не гасили, а приподнимали, подтягивали друг друга. Уже в 1706 году «адмиралтейство, кронверк, аптека, подзорный дворец, многие дома, также кофейный, трактирный и два питейные, называемые явстреями, были выстроены. Все сии здания были в начале брусчатые, мазанковые» [2, с. 112]. Начавшийся период в истории Петербурга И.Э. Грабарь *мазанковым* и назвал. Несмотря на запрет каменного строительства по всей стране в пользу здешнего, работа на разобщенных участках по берегам широкой реки не обеспечивалась даже прочными материалами. Тем не менее в противоборстве обеих стихий поднимался из небытия «гигантский город с правильно распланированными прямыми улицами, вначале застроенный кое-как, наспех, потом весь век чинившийся, с выроставшими по шучьему велению на месте разнообразных мазанок затейливыми дворцами, каких немного в Европе» [4, с. 6].

Официально культивируемый миф о триумфе целенаправленного старта для новой европейской столицы у Пушкина явно не подтверждался. Зато подчеркивался рабочий надзор хозяина, не упускавшего на необъятной стройке ни одной из мелочей. Например, то, как порядок тотального наступления на Неву контролировался выпуском бесчисленного количества распоряжений. Среди них – указы «о строении домов, печей, труб и кровель» [2, с. 14], «о поспешении строений городских и увеселительных своих домов и садов; а знатному дворянству о каменных домах по плану, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербургском и Котлине» [2, с. 162] и т. д. Примечательно, что в комплексе обеспечения успеха подобных мероприятий входило просвещение заказчиков *каменных домов* в области архитектуры и европейского искусства, в целом. В частности, повелевалось «углубить берега речки Мойки и вычистить ее, соединить Мойку с Невой (у Летнего и Старого дворца), построить

новый дворец и завести типографию» [2, с. 178]. В перечне важнейших книг, подготовленных в этой типографии для гражданской печати, значились переводы архитектурных руководств в удобном карманном формате. Первая книга по архитектуре на русском языке «Правило о пяти чинех архитектуры Иакова Бароция де Вигнола» появилась уже в 1709 году.

Воплощение идеального города с оглядками то в ту, то в другую влиятельную сторону началось лишь после 1712 года: «Петербург, по обстоятельствам, утвержденный уже надежно за Россией, быстро отстраивался. Петр прибыл прямо на Васильевский остров, который должен был быть обстроен на манер Амстердама. Заметя, что каналы уже амстердамских, и справясь о том у резидента Вильда, он воскликнул: “Всё испорчено” и уехал во дворец в глубокой печали. Петр жестоко пенял за то Меншикову. Архитектор Леблонд советовал сломать дома и завалить каналы и строить всё вновь. “Я это думал”, – отвечал Петр и после уж никогда о том не говорил» [2, с. 275]. Тот факт, что парадиз в северной глухомани принялись рисовать практически на месте – заимствованиями из более уютных стран, – не был пропущен поэтом. Чьи-то схемы, своего рода градостроительные метафоры, готовились перекрывать друг друга в низком, плоском, заболоченном просторе. По примеру самой отвлеченной – многоконечной звезды архитектора Леблонда, вдохновленного эстетическим совершенством ренессансной крепости, – они так или иначе соскальзывали к красивым, зацикленным на себе фигурам. Разумеется, последующие генпланы столицы стали реалистичнее, но все равно не сдали имперских амбиций в прямолинейных начертаниях и жестких регламентах, неохотно подгоняя их к прагматике сожительства с аморфной стихией. Образец тому неизменно присутствовал перед глазами жителей – трехлучие проспектов, сведенных в конце 1730-х годов к прославленной башне, согласно масштабным перепланировкам П.М. Еропкина: «...виду Адмиралтейской спицы никакого посягательства быть не признается» [5].

Было ясно, что созидательная страсть Петра I жаждала визуальной внятности, зримой регулярности преобразующейся территории: «Петр указал достраивать Петропавловский собор и прежде колокольню, для которой выписал он из Голландии часы с курантами за 45 000 р., также каменный гостиный двор на Петербургской стороне, почтовый двор для приезжих иностранцев и при нем залу для ассамблей. В Петергофе заложить дворец и выкопать канал от моря до дворца etc. Тогда же велено на Выборгской стороне строить военную госпиталь и при оной анатомический феатр» [2, с. 241]. Помимо неоднократно упоминавшейся церкви во имя Петра и Павла, сначала деревянной, потом каменной, в подготовительных текстах отслеживалось и возведение других высотных ориентиров. Подле крепости с колокольней была построена соборная церковь св. Троицы (в Троицын день произошла закладка крепости на Заячьем острове), на первой в городе, соответственно Троицкой, площади. На Выборгской стороне была заложена церковь св. Самсона (в день Самсона Странноприимца прогремела Полтавская виктория). У предполагаемого схода Невской перспективы встал монастырь во имя Троицы и в честь Александра Невского (святой благоверный князь Александр совершил здесь ратный подвиг), куда в 1724 году «Петр из Владимира перенес мощи князя (30 августа)» [2, с. 315]. Кроме названных объектов были также построены церковь Успения Богородицы и церковь Исакия Далматского. Значит, Петербургу кроме главного, своего и Рима, покровителя даровались и другие небесные заступники, в том числе коренные, русские. «Безусловно, “петербургская альтернатива” была и решительным вызовом... архетипу русского урбанизма, как и всему прошлому России, но вызовом – основанным на еще более глубоком освоении национального архетипа» [6].

Как раз до Рима самодержец не добрался. Но Пушкин постарался отметить все другие иностранные города, по которым тот проехал, сначала мечтая о новой столице, потом контролируя на расстоянии ход ее строительства. Наряду со знаменитыми

европейскими центрами: *Амстердамом, Веной, Лондоном, Берлином, Парижем, Роттердамом, Гаагой*, — тщательно перечислялись, казалось бы, совсем небольшие: *Суассон, Реймс, Шарлемонт, Намур, Лиеж* и т. д. Если Рим, правопреемник дорикки, классики, эллинизма, и осознавался по тезоименному предопределению наиболее подходящей моделью для Петербурга, то, по тексту Пушкина, далеко не единственной. Образованные люди и в XVIII, и XIX веках прекрасно знали, что наследники Петра материализовывали ее руками мастеров разных школ, поскольку «в Петербург приехали сразу и итальянцы, и немцы, и французы, и голландцы, живя и работая здесь одновременно. <...> Эта постоянная смена иноземцев имела, впрочем, и одну хорошую сторону: в значительной степени благодаря именно ей Петербург получил какую-то свою собственную физиономию. Его нельзя назвать ни итальянским, ни немецким, ни голландским, ни тем более французским городом, ибо стиль его только петербургский» [4, с. 21].

Неудивительно, что Петербург как предел русской эволюции и плоть от плоти Европы, поразивший Европу же невиданным размахом, соотносился во второй четверти XIX века с различными прообразами. Ведь общественность в перманентном поиске виноватых волновал вопрос о чужеродности пассионарного, равно пассивного влияния, нагоняемого балтийским ветром: «Будто бы европеизм из русского человека должен сделать нерусского человека» [7]. С того времени и до сих пор все распутывается тугое переплетение русских и нерусских, варварских и просвещенческих челночных нитей вместо того, чтобы найти согласие в тщетности просчета заимствований в столь многослойном образовании и принять его интернациональную феноменальность как истинно свою.

О взаимосвязи, казалось бы, не пересекающихся сторон действительности Петровской эпохи Пушкин высказывался в текстах хорошо освоенных жанров. Но взгляду из 1830-х годов на идеалы и практику начала XVIII века требовалась веская, проверенная временем причинно-следственная платформа, куда органично вплеталась бы и составляющая петербургской архитектуры. Хотя заслуженной доли задела последняя так и не получила, показательна сама попытка ее выстраивания. Нет сомнения: если бы эта часть *Истории Петра* была завершена, она стала бы первым источником цитирования у специалистов по русскому зодчеству.

Города обрастают мифологией постепенно: ее насаждает время, постоянно меняющаяся культурная ситуация. Петербург же — редкий пример города, зародившегося с мифа, точнее, с аморфного посыла, петляющего в целом корпусе мифов, по большей части утопических. Программа его первоначального развития с переносами места строительства с одного острова на другой походила на чистый лист, заполняемый мифологизированными предложениями по улучшению образцов Амстердама, Рима, Берлина, Лондона, Версаля и т. д. В столкновении с жестокими буднями они должны были бы поглотить друг друга, перемешаться, раствориться, но здесь только укрепились и упорядочивались. Главный из них — миф о городе-совершенстве, возникшем враз, по единоличному хотению-велению, — настойчиво внедрялся внутри страны и энергично распространялся за рубежом, не позволяя сомневаться в том, что торжеству разума, обеспечивающему правильную жизнь, приличествует самая величественная из трехмерных форм. И для его продвижения годились все средства: от героической прокладки безупречно ровных дорог через болота и леса до раскраски деревянных домиков под кирпич и панорамных гравюр с замышляемыми красотами. Не воплотив задуманного, Пушкин все-таки показал, что миф — безусловная принадлежность истории Петербурга, выраженная как нельзя более убедительно архитектурой, материализующей сразу и идеалы, и реалии.

Утопия — то, чего нет ни в этом, ни в каком-либо другом месте, а в русской огласовке — это еще и нечто далекое, у топи. Неистребимое стремление русских к

тому, чего нигде нет, с гигантскими перенапряжениями и потерями было вознаграждено: апостольский камень, заложенный в основание столицы на самом краю молодой империи, у топи, не утонул, как многие предрекали, а врезался *в золотые небеса адмиралтейской иглой*. В этом символическом подъеме был наглядно запечатлен важнейший для будущего страны исторический этап. Вряд ли стоит удивляться тому, что мифология Петербурга быстрее, чем мифология прочих городов отечества, освоилась в русской художественной литературе, и к текстам, напитанным утопическими мифами, перешла эстафета управления восприятием, а следовательно, и развитием конкретного архитектурного пространства. Нужно было всего лишь дождаться поэта, который смог освободиться от предрассудков и синхронизировать его реальные и идеальные свойства. Пушкин – крупнейший интеллектуал и эстет, персонифицировавший эпоху претворения самых грандиозных в России проектов. Новые смыслы, привнесенные им в понимание архитектуры, актуальны и для осознания беспредельности архитектурной профессии, и для приближения к гуманистической целостности культуры.

Библиографический список

1. Иконников А.В. Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997. С. 6.
2. Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Л.: Наука, 1979.
3. Микишатев М.Н. Тема / фортификация. URL: http://www.adresaspb.ru/arch/adresa_16/16_005/16_05.htm.
4. Грабарь И.Э. Петербургская архитектура в XVIII и в XIX веках. СПб.: Лениздат, 1994.
5. Швидковский Д.О. Великий город Петра Великого. URL: <http://www.nasledierus.ru/podshivka/6602.php>.
6. Лебедев Г. Трансмиф северного пространства и архетипика Петербурга // В лабиринтах культуры. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1997. С. 318.
7. Белинский В.Г. Петербург и Москва // Москва – Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории самосознания. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 186.

I.A. Steklova*

VERBALLY SEMANTIC PRECONDITIONS OF RUSSIAN ARCHITECTURE HISTORISM

Attempt of ideas reconstruction of the first half of the XIX century about the history of Petersburg architecture is made in concepts shown in poetic, prosaic, publicistic texts by A.S. Pushkin. Features of real architectural space and their figurative treatments are considered.

Key words: architecture, poetry, history, Petersburg, Pushkin

---

* *Steklova Irina Alexeevna* (i_steklo60@mail.ru), the Dept. of Design and Artistic Designing of Interior, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, 440028, Russian Federation.